

Сказки Ханса Кристиана Андерсена. Чайник

Чайник был таки горденёк^[1]; он гордился и фарфором своим, и длинным носиком, и широкой ручкою – всем. У него была приставка и спереди, и сзади; спереди – носик, сзади – ручка; об этом-то он и говорил. О том же, что крышка у него была разбита и склеена – молчал. Это, ведь, недостаток, а кто же любит говорить о своих недостатках, – это и другие сделают. Чашки, сливочник, сахарница, словом, весь чайный прибор, конечно, больше помнил и охотнее говорил о недостатке чайника, нежели о его прекрасной ручке и о великолепном носике. Чайник знал это.

«Знаю я их!» рассуждал он сам с собою. «Знаю и сознаю и свой недостаток, – я скромн, смиренн! Недостатки у всех у нас есть, но у каждого есть зато и свои преимущества. У чашек есть ручка, у сахарницы – крышка, а у меня и то и другое, да ещё кое-что сверх того, чего у них никогда не будет – носик! Благодаря ему, я – король всего чайного стола. Сахарнице и сливочнику тоже выпало на долю усладить вкус, но я – главный; я утоляю жажду людей; во мне кипящая безвкусная вода перерабатывается в китайский ароматный напиток!»

Всё это говорил чайник в пору беспечальной юности. Тогда он стоял на накрытом столе; чай разливала тонкая изящная ручка, но не ловка́ она была, чайник выскользнул из неё, упал и – носика как не бывало, ручки тоже, о крышке же и говорить нечего, – о ней сказано уже довольно. Калека-чайник без чувств лежал на полу, горячая вода бежала из него ручьём. Ему был

нанесён тяжёлый удар, и тяжелее всего было то, что смеялись-то не над неловкою рукою, а над ним.

«Этого мне никогда не забыть!» говорил чайник, рассказывая впоследствии свою биографию самому себе. «Меня прозвали калекою, ткнули куда-то в угол, а на другой день подарили женщине, получавшей обыкновенно остатки со стола. Пришлось мне попасть в бедную обстановку, стоять без пользы, без всякой цели – и внутренней и внешней. Но вот стоял я, стоял, и вдруг – для меня началась новая, лучшая жизнь. Да, бываешь тем, а становишься совсем иным. Меня набили землёю, – для чайника это то же, что быть зарытым в землю, но в эту землю посадили цветочную луковицу. Кто посадил, кто подарил её мне, не знаю, но она была дана мне взамен китайской травки, взамен кипятка, взамен отбитой ручки и носика. Луковица лежала в земле, лежала во мне, стала моим сердцем, моим живым сердцем, какого прежде во мне никогда не бывало. И во мне зародилась жизнь, закипели силы, забился пульс; луковица пустила ростки; она готова была лопнуть от избытка мыслей и чувств. Они и вылились в цветке! Я любовался на него, я держал его в своих объятиях, я забывал себя самого ради его красоты. Какое блаженство забывать себя самого ради других! А цветок даже не сказал мне за то спасибо, он и не думал обо мне, – ему все удивлялись, им все восхищались, и если я был так рад этому, то как же должен был радоваться он сам? Но вот, однажды, я услышал слова: «такой цветок достоин лучшего горшка!» Меня разбили... Ужасно было больно! Зато цветок пересадили в лучший горшок! Меня же выбросили на двор, и я теперь валяюсь там, как старый черепок, но воспоминаний моих у меня никто не отнимет!»

---

^[1] Горденёк – гордый, преисполненный гордости.

